

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

До ее ушей доносились отчаянные вопли. Острыми стрелами они прорывались сквозь все остальные звуки вечернего Осло: размеренный гул автомобилей за окном, завывающую вдали сирену, начавшийся неподалеку перезвон церковных колоколов. Именно в это время по вечерам и изредка перед самым восходом солнца она выходила на охоту. Она водила носом по грязному линолеуму на кухне, молниеносно регистрировала запахи и делила их на три категории: запах еды, запах угрозы и запах того, что несущественно для выживания. Кислый запах серого табачного пепла. Сладкий сахарный вкус крови с ватного тампона. Горькая пивная вонь от пробки, когда-то закрывавшей бутылку «Рингнеса». Летучие молекулы серы, селитры и углекислого газа, поднимающиеся над металлической гильзой от патрона девять на восемнадцать миллиметров, часто называемого просто «малаков»¹ — по названию пистолета, для которого изначально изготовлялся этот калибр. Струйка дыма от сигаретного окурка с желтым фильтром из черной пачки, на которой выдавлен российский двуглавый орел. Табак можно есть. А вот тонкий запах алкоголя, кожи, жира и асфальта. Ботинок. Она обнюхала его и пришла к выводу, что съесть его будет не так легко, как пиджак из шкафа, тот, что пахнет бензином и гниющим животным, из которого сшит. Теперь мозг грызуна был полностью поглощен проблемой форсирования возвышающегося перед ним препятствия. Крыса попробовала пролезть с обеих

¹ Так у автора. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

сторон, попыталась протиснуться своей двадцатипятисантиметровой полукилограммовой тушкой между препятствием и стеной, но у нее ничего не вышло. Препятствие лежало на боку спиной к стене и загоразживало дыру, ведущую в нору, к ее восьми новорожденным, слепым, еще не покрывшимся шерстью малышам, которые кричали все громче и громче, требуя еды. Гора мяса пахла солью, потом и кровью. Это был человек. Все еще живой человек: ее чувствительные уши улавливали слабые удары его сердца, не заглушаемые даже воплями голодных крысят.

Она боялась, но выбора у нее не было. Никакие опасности, никакие усилия, никакие инстинкты не важны, когда надо покормить голодных малышей. И вот она застыла, поводя носом в разные стороны и ожидая, когда к ней придет решение проблемы.

Церковные колокола били в такт с человеческим сердцем. Один удар, два. Три, четыре...

Она оскалила зубы.

Июль. Черт. Разве можно умирать в июле. Я что, на самом деле слышу бой колоколов или в этих долбанных пулях был галлюциноген? Ну ладно, все закончится здесь. Да и какая, к черту, разница? Здесь или там, сейчас или потом. Но неужели я заслуживаю смерти в июле? Под звуки птичьего пения, звона бутылкок и смеха, доносящегося от реки Акерсельва, среди охрентельного летнего счастья, заполнившего мир за окном? Неужели я достоин того, чтобы лежать на полу в грязной наркоманской дыре с одной лишней дыркой в теле, из которой вытекают жизнь, секунды и вспышки воспоминаний о событиях, благодаря которым я оказался здесь? Все большое и малое, целая гора случайностей и несделанных выборов — это я? Это все? Это моя жизнь? У меня были планы, правда? А теперь остался только пыльный мешок, анекдот без кульминации, такой короткий, что я успел бы рассказать его до того, как этот проклятый колокол перестанет бить. Ох, пушки хреновы! Никто не говорил мне, что умирать так больно. Ты там, папа? Не ух-

ди, только не сейчас. Слушай, анекдот звучит так. Меня зовут Густо. Мне исполнилось девятнадцать лет. Ты был плохим парнем, отпугавшим плохую девчонку, а через девять месяцев на свет выскочил я и оказался в приемной семье еще до того, как научился выговаривать слово «папа». Я измывался над ними, как мог, а они только ту же затягивали на мне одеяльце, полученное от социальной службы, и спрашивали, что им сделать, чтобы я успокоился. Может, дать мне мягкого мороженого? Они не понимали, что таких, как ты и я, надо расстреливать сразу, истреблять как вредителей, потому что мы несем заразу и упадок и, если нам только предоставляется шанс, плодимся как крысы. Они сами виноваты. Но они тоже хотят обладать. Все хотят чем-то обладать. Мне было тринадцать, когда во взгляде своей приемной матери я прочитал, чем хотела бы обладать она.

— Какой же ты красавчик, Густо, — сказала она, входя в ванную, дверь в которую я не запер.

Я не стал включать душ, чтобы звук ее не спугнул. Она простояла там ровно на одну секунду дольше, чем надо, и вышла. А я расхохотался, потому что теперь я знал наверняка. Вот в чем заключается мой талант, папа: я вижу, чем люди хотят обладать. Это у меня наследственное, да? Ты был таким же? После того как она ушла, я осмотрел себя в большом зеркале. Она не первая сказала, что я красивый. Я развивался быстрее других мальчишек. Высокий, стройный, широкоплечий и мускулистый. Волосы у меня были такими черными, что даже блестели, будто оттапливали от себя весь свет. Высокие скулы. Широкий ровный подбородок. Большой жадный рот с пухлыми, как у девчонки, губами. Смуглая гладкая кожа. Карие, почти черные глаза. Один одноклассник обозвал меня «коричневой крысой». Кажется, его звали Дидрик. Во всяком случае, он собирался стать концертирующим пианистом. Мне исполнилось пятнадцать, и он сказал это вслух прямо в классе. «Коричневая крыса даже читать нормально не научилась».

А я только рассмеялся, потому что, конечно же, знал, зачем он так сказал. Чем он хотел обладать. Камилла, в которую он был тайно влюблен, была так же тайно влюблена в меня. На одной из вечеринок одноклассников я немного познакомился с тем, что было у нее под свитером. Ничего особенного. Я рассказал об этом парочке парней, и, наверное, Дидрик случайно подслушал и решил оттеснить меня. Не то чтобы мне очень уж хотелось остаться на своем месте, но оттеснение есть оттеснение. И я пошел к Туту в байкерский клуб «МС». Я уже понемногу толкал для них наркоту в школе, и теперь я объяснил, что для того, чтобы я мог хорошо делать свою работу, меня должны уважать. Туту пообещал заняться Дидриком. Позже Дидрик отказался объяснить, как он умудрился защемить сразу два пальца в верхней петле двери в мужском туалете, но с тех пор он больше не называл меня коричневой крысой. И — совершенно верно — он так и не стал концертирующим пианистом. Черт, как же больно! Нет, папа, мне нужно не утешение, а выстрел. Только один последний выстрел, и я покину этот мир тихо и спокойно, обещаю. Снова звонят колокола. Папа?

ГЛАВА 2

В аэропорту Осло, Гардермуэне, была уже почти полночь, когда рейс SK-459 из Бангкока подрулил к предназначенному для него выходу номер 46. Первый пилот Турд Шульц затормозил до полной остановки «Аэробуса-340», после чего быстро отключил подачу топлива. Металлический лязг работающих реактивных двигателей превратился в добродушное ворчание, и двигатели отключились. Турд Шульц автоматически отметил время: три минуты сорок секунд после касания земли, на двенадцать минут раньше расписания. Вместе со вторым пилотом они приступили к запол-

нению карты контрольных данных, поскольку самолету предстояло ночевать в Осло. Причем с товаром. Турд Шульц перелистал бортовой журнал. Сентябрь 2011 года. В Бангкоке все еще шли дожди и стояла обычная душливая жара, и он очень скучал по дому, по первым прохладным осенним вечерам. Осло в сентябре — лучшего места на земле не найти. Он заполнил графу со сведениями о неизрасходованном топливе. Топливные счета. Случалось, ему приходилось за это отвечать — после рейсов из Амстердама и Мадрида, когда он летел быстрее, чем предписывала экономическая рациональность, сжигая топливо на тысячи крон, чтобы успеть. В конце концов его вызвали на ковер к начальству.

— Успеть куда? — прорычал старший пилот. — У тебя на борту не было пассажиров, спешивших на стыковочные рейсы!

— Самая пунктуальная авиакомпания в мире, — пробормотал Турд Шульц рекламный слоган.

— Самая экономически хреновая авиакомпания в мире! Это все твои объяснения?

Турд Шульц пожал плечами. Ведь он не мог рассказать, что произошло на самом деле: он открыл топливные шлюзы, так как ему самому надо было успеть. Успеть на рейс в Берген, Тронхейм или Ставангер. Потому что было крайне необходимо, чтобы именно он, и никакой другой пилот, выполнил этот рейс.

Он был слишком стар, и единственное, что его начальники могли сделать, — это наорать и отругать. Он не допускал серьезных ошибок, профсоюз надежно его защищал, и ему оставалось всего два года до *two fives*¹, до пятидесяти пяти лет, когда он выйдет на пенсию. Турд Шульц вздохнул. Всего несколько лет, чтобы исправить ситуацию и не окончить свои дни самым экономически хреновым пилотом.

¹ До двух пятерок (*англ.*).

Он расписался в бортовом журнале, поднялся и вышел из кабины, чтобы продемонстрировать пассажирам ряд белоснежных пилотских зубов на смуглом пилотском лице. Улыбнуться им так, чтобы они поняли: он — это мистер Надежность. Пилот. Название профессии когда-то придавало ему значимости в глазах других. Он видел, как люди, мужчины и женщины, молодые и старые, после произнесения магического слова «пилот» автоматически начинали смотреть на него другими глазами, замечали харизму, небрежный мальчишеский шарм, а вместе с этим — холодную расчетливость и решительность капитана воздушного судна, выдающийся интеллект и мужество человека, бросающего вызов физическим законам и врожденным страхам обычных людей. Но это было давно. Теперь на него смотрели как на водителя автобуса и спрашивали, сколько стоят самые дешевые билеты в Лас-Пальмас и почему в самолетах «Люфтганзы» больше места для ног.

Черт бы их побрал. Черт бы побрал их всех.

Турд Шульц встал у выхода рядом со стюардессами, выпрямился и улыбнулся, произнес «добро пожаловать, мисс» на певучем техасском американском, который выучил в летной школе в Шеппарде. Получил в ответ одобрительную улыбку. Бывали времена, когда с такой улыбкой он мог договориться о свидании в зале прибытия. И договаривался. От Кейптауна до Альты. Женщины. Вот в чем была проблема. И решение. Женщины. Больше женщин. Новых женщин. А теперь? Волосы под форменной фуражкой уже поредели, но сшитая на заказ форма подчеркивала его рост и широкие плечи. Именно свое тело он обвинил в том, что не попал в число курсантов летной школы, осваивавших истребители, а стал пилотом грузового «геркулеса», небесной ломовой лошадки. Он поведал всем, что рост его оказался слишком большим, а в кабины «старфайтера», «F-5» и «F-16» помещаются только карлики. Но правда заключалась в том, что он не выдержал конкуренции. С телом же все было в порядке. Всегда. Тело — это

единственное, что ему удалось сохранить в приличном состоянии с тех времен, единственное, что не распалось, не рассыпалось. Как браки, семья, друзья. Как это случилось? Где он был, когда это произошло? Возможно, в гостиничном номере в Кейптауне или в Альте, с кокаином в носу для компенсации убийственного воздействия алкоголя на потенцию и с членом в позиции «не возвращайтесь, мисс» для компенсации того, чем он не был и никогда не станет.

Взгляд Турда Шульца остановился на мужчине, идущем по проходу между креслами. Несмотря на склоненную голову, он возвышался над остальными пассажирами. Высокий и широкоплечий, как и сам Турд Шульц. Короткая стрижка, волосы стоят так, словно по ним только что прошлись щеткой. Моложе Турда Шульца, по-видимому норвежец, но не похож на туриста, возвращающегося домой, скорее на экспата с блеклым, почти серым загаром, характерным для белых, много времени проводивших в Юго-Восточной Азии. Коричневый льняной костюм, несомненно сшитый на заказ, производил впечатление качества и надежности. Возможно, бизнесмен, дела у которого идут не блестяще, ведь он путешествует экономическим классом. Но не костюм и не рост мужчины приковали взгляд Турда Шульца, а шрам. Он шел от левого уголка рта почти до самого уха, серповидный, похожий на улыбку. Гротескный и потрясающе драматичный.

— До встречи.

Турд Шульц вздрогнул, но не успел ответить на приветствие до того, как мужчина вышел из самолета. Голос у него был грубым и хриплым, а налитые кровью глаза свидетельствовали о том, что он недавно проснулся.

Самолет опустел. Микроавтобус с уборщиками, которые должны были привести в порядок салон, подъехал, когда экипаж дружно сходил по трапу. Турд Шульц отметил, что невысокий плотный русский в желтом жилете с логотипом компании «Соло» первым вышел из машины и быстро поднялся в салон.

«До встречи».

В мозгу Турда Шульца вновь и вновь звучали эти слова, пока он шел по коридору в комнату предполетной подготовки экипажей.

— У тебя разве не было еще и сумки? — спросила одна из стюардесс, указывая на чемодан «Самсонайт» Турда.

Он не помнил, как ее зовут. Миа? Майя? Во всяком случае, он переспал с ней во время одной из ночевок когда-то в прошлом веке. Или нет?

— Не было, — ответил Турд Шульц.

«До встречи». Это значит «еще встретимся»? Или «я знаю, что ты хочешь встретиться со мной еще раз»?

Они прошли мимо перегородки перед входом в комнату предполетной подготовки экипажей, где теоретически в засаде мог сидеть таможенник. Девяносто процентов времени стул за перегородкой был пуст, и Турда Шульца никогда — ни разу за те тридцать лет, что он проработал в авиакомпании, — не останавливали для досмотра.

«До встречи».

«Будто он знает, кто я. Будто он знает, чем я занимаюсь».

Турд Шульц поспешил в комнату предполетной подготовки экипажей.

Сергей Иванов, как обычно, позаботился о том, чтобы первым выйти из микроавтобуса, остановившегося рядом с аэробусом, и взбежать по трапу в пустой самолет. Он вошел с пылесосом в кабину пилота и закрыл за собой дверь, натянул латексные перчатки до места, откуда начинались татуировки, поднял переднюю панель пылесоса, открыл шкафчик капитана, достал из него маленькую сумку «Самсонайт», расстегнул на ней молнию, отодвинул на дне металлическую крышку и убедился, что под ней лежат все четыре килограммовых пакета, похожие на кирпичи. Потом он засунул сумку в пылесос, между насадками и пылесборником, который он только что опустошил, захлопнул

переднюю панель пылесоса, открыл замок на двери кабины и включил пылесос. Все это было сделано за несколько секунд.

После того как уборщики вымыли и вычистили салон, они вышли из самолета, забросили голубые мусорные мешки в «дайхатсу» и поехали обратно в свою диспетчерскую. До закрытия аэропорта на ночь оставалось принять и отпустить всего несколько рейсов. Иванов через плечо посмотрел на Йенни, начальницу смены. Он скользнул взглядом по монитору компьютера, отражавшему расписание рейсов. Никаких задержек.

— Я возьму Берген у двадцать восьмого выхода, — сказал Сергей со своим жестким русским акцентом.

Но он хотя бы выучил язык, а ведь многие его соотечественники, прожившие в Норвегии больше десяти лет, по-прежнему были вынуждены прибегать к помощи английского. Когда Сергея перевезли сюда почти два года назад, дядя ясно дал понять, что ему придется выучить норвежский, добавив в утешение, что, вполне вероятно, Сергей унаследовал его талант к языкам.

— У двадцать восьмого есть люди, — сказала Йенни. — Можешь подождать тронхеймский рейс у двадцать второго.

— Я возьму Берген, — повотрил Сергей. — А Ник возьмет Тронхейм.

Йенни подняла на него глаза.

— Как хочешь. Только не перетрудишься, Сергей.

Сергей подошел к одному из стульев, стоявших вдоль стенки, и сел, осторожно облокотившись на спинку. Кожа между лопаток, там, где трудился норвежский татуировщик, все еще была очень чувствительной. Норвежец работал по рисункам, которые Сергею прислал Имре, татуировщик из тагильской зоны, и произведение еще не было закончено. Сергей вспомнил наколки дядиных помощников, Андрея и Петра. Бледно-голубые линии на коже двух

алтайских казаков рассказывали о перипетиях их непростых жизней. В прошлом Сергея тоже был один подвиг. Убийство. Маленькое дельце, но оно уже было обозначено иглой и чернилами и имело форму ангела. Возможно, ему предстоит еще одно убийство. Большое дело. Если *необходимое* станет необходимостью, как сказал дядя, попросив его подготовиться морально и поупражняться с ножом. Приедет человек, сказал он. Появится ли он, доподлинно было неизвестно, но вероятность его появления существовала.

Вероятность.

Сергей Иванов посмотрел на свои руки. Он по-прежнему был в латексных перчатках. Конечно, ему крупно повезло, что благодаря рабочей одежде он не оставляет отпечатков пальцев на пакетах. Если вдруг что-нибудь пойдет не так... Они занимались этим так долго, что время от времени ему приходилось напоминать себе о риске, чтобы оставаться в форме. Он надеялся, что руки его будут такими же спокойными, когда им придется сделать *необходимое*. Когда он заслужит наколку, рисунок для которой уже заказал. Он снова представил себе, как дома, в Тагиле, снимет рубашку перед друзьями-урками и продемонстрирует им свои наколки, не требующие ни объяснений, ни слов. Он покажет их молча. И прочитает в их глазах, что для них он больше не Кроха Серега. На протяжении нескольких недель в своих вечерних молитвах он умолял Господа скорее послать ему этого человека. И чтобы *необходимое* стало необходимостью.

Потрескивающая рация передала указание об уборке бергенского рейса.

Сергей, позевывая, поднялся.

На этот раз процедура в кабине пилота была еще проще: открыть пылесос, переложить сумку в капитанский шкафчик.

На выходе они столкнулись с экипажем, поднимавшимся на борт. Стараясь не встретиться взглядом со штур-

маном, Сергей Иванов опустил глаза вниз и отметил, что у него такой же чемодан, как и у Шульца. «Самсонайт Аспайр ГРТ». Такого же красного цвета. Без маленькой сумки, которую можно прикрепить сверху. Они ничего не знали ни друг о друге, ни о причинах, по которым оказались втянутыми во все это, ни о прошлом или о семьях друг друга. Единственным, что связывало Сергея, Шульца и молодого штурмана, были телефонные номера на их незарегистрированных мобильниках, купленных в Таиланде, чтобы обмениваться сообщениями в случае, если в расписании произойдут изменения. Сергей не был уверен, что Шулец и штурман знают о существовании друг друга. Андрей внимательно следил за тем, чтобы все знали только то, что необходимо. Поэтому Сергей был не в курсе того, что дальше происходит с пакетами. Но догадывался. Потому что когда пилот внутреннего рейса Осло — Берген совершает посадку в пункте назначения, ему не надо проходить таможду и контроль безопасности. Штурман везет сумку с собой в гостиницу в Бергене, где ночует экипаж. Тихий стук в дверь гостиничного номера посреди ночи — и четыре килограмма героина меняют хозяина. Несмотря на то что новая дурь, «скрипка», немного сбила цены на героин, розничная цена на дозу у уличных торговцев составляла не меньше двухсот пятидесяти крон. Тысяча за грамм. При условии, что товар, уже разбавленный, будет разбавлен еще раз, выйдет около восьми миллионов крон. Считать Сергей умел. И понимал, что ему недоплачивают. Но он знал, что заслужит кусок побольше, после того как сделает *необходимое*. А на такую зарплату он через пару лет сможет купить дом в Тагиле, найти красавицу-сибирячку и перевезти к себе родителей, когда они станут совсем старенькими.

Сергей Иванов чувствовал зуд между лопатками, там, где была татуировка.

Казалось, даже кожа радостно ждет продолжения.

ГЛАВА 3

Мужчина в льняном костюме сошел со скоростного поезда из аэропорта на Центральном вокзале Осло. Он удостоверился, что в его старом родном городе стоит теплая погода, а воздух до сих пор мягкий и нежный. В руках у него был почти до смешного маленький кожаный чемоданчик. Быстрой упругой походкой мужчина вышел из вокзала с южной стороны. Перед ним размеренно билось сердце Осло, которого, по мнению иных, у города не было. Ночной ритм. Несколько автомобилей, круживших по многоуровневой дорожной развязке, один за другим направлялись на восток, в сторону Стокгольма и Тронхейма, на север, к другим районам города, или на запад, по направлению к Драммену и Кристиансанну. Своими размерами и формой дорожная развязка напоминала бронтозавра, вымирающего гиганта, который скоро исчезнет, чтобы дать место жилым домам и бизнес-центрам в новом роскошном районе Осло, где уже возвышалось новое роскошное здание Оперного театра. Мужчина остановился и посмотрел на белый айсберг, расположившийся между развязкой и фьордом. Это здание уже получило множество архитектурных премий по всему миру, люди со всех концов света приезжали сюда, чтобы спуститься к морю по крыше из белого итальянского мрамора. Свет, лившийся из огромных окон Оперы, был таким же интенсивным, как лунный свет, падавший на здание.

«Да уж, черт возьми, украшение», — подумал мужчина.

Перед ним простиралось не будущее города, а его прошлое. Потому что здесь всегда находился так называемый тир — территория наркоманов, где они кололись и погружались в иллюзорный мир прямо за тонкой стеной барака, скрывавшей потерянных детей города от посторонних взглядов. Тонкая стена отделяла их от ничего не подозревающих благожелательных социал-демократических роди-

телей. «Украшение, — подумал он. — Они уносятся в преисподнюю, окруженные красотой».

В последний раз он стоял здесь три года назад. Вокруг все было новым. И ничего не изменилось.

Они устроились на полоске травы между вокзалом и шоссе, практически на обочине. Такие же одурманенные, как тогда. Они лежат на спине с закрытыми глазами, как будто солнце светит слишком ярко, или сидят на корточках и ищут не до конца исколотую вену, или стоят, скрюченные и подкошенные ломкой, не понимая, на каком они свете. Такие же лица. Лица не тех же самых живых мертвецов, которых он видел, когда ходил здесь, — те, конечно, уже давным-давно стали самыми настоящими мертвецами. Но лица такие же.

По дороге на улицу Толлбугата он встретил и других. Поскольку это было напрямую связано с причиной, по которой он вернулся сюда, мужчина решил изучить ситуацию. Решить, больше их стало или меньше. Он отметил, что на Плате опять идет торговля. Небольшой квадратный кусочек асфальта на западной стороне Привокзальной площади, выкрашенный в белый цвет, назывался Ослоским Тайванем и являлся зоной свободного обращения наркотиков, созданной для того, чтобы власти могли иметь какой-никакой контроль за происходящим и, возможно, отлавливать впервые решившихся на покупку. Но постепенно объем торговли существенно возрос, и Плата показала истинное лицо Осло — лицо города с одним из самых высоких показателей потребления героина в Европе. И это место превратилось в настоящую туристическую достопримечательность. Уровень оборота героина и статистика передозировок давно стали позором столицы, но тем не менее они не так бросались в глаза, как Плата. Газеты и телеканалы на всю страну показывали одурманенную молодежь, зомби, собиравшихся в центре города средь бела дня. Во всем винили политиков. Когда у руля были правые, левые метали громы и молнии: «Слишком мало программ

лечения», «Тюрьмы плодят наркоманов», «Новое классовое общество приводит к созданию банд и развитию наркотрафика в среде иммигрантов». Когда у руля были левые, правые метали громы и молнии: «Слишком мало полиции», «Беженцам чересчур просто получить вид на жительство», «Семеро из десяти заключенных — иностранцы».

Поэтому, пометавшись из одной крайности в другую, городские власти Осло приняли неизбежное решение — пощадить самих себя. Замести мусор под ковер. Закрыть Плату.

Мужчина в льняном костюме заметил на лестнице человека в красно-белой футболке футбольного клуба «Арсенал», перед которым с ноги на ногу переминались четверо других. Арсеналец резко, как курица, повернул голову направо, потом налево. Головы четверых остальных оставались неподвижными, они не сводили взгляда с парня в футболке «Арсенала». Стая. Дилер на лестнице подождет, пока она не станет большой, полноценной стаей из пяти-шести человек. После этого он соберет плату за заказы и отведет клиентов к наркоте. За угол или во двор, где его ждет напарник. Принцип прост: тот, у кого наркотики, никогда не вступает в контакт с деньгами, а тот, кто собирает деньги, не прикасается к наркотикам. Таким образом, полиции трудно получить надежные доказательства, чтобы предъявить напарникам обвинение в торговле наркотиками. Однако мужчина в льняном костюме был удивлен: то, что он видел, было старым методом, распространенным еще в восьмидесятые — девяностые годы. После того как полиция проиграла борьбу уличным дилерам, продавцы отказались от многих мер предосторожности, таких как сбор стаи, и начали продавать дозы каждому клиенту в отдельности: в одной руке деньги, в другой — пакетик дури. Неужели полиция снова стала отлавливать уличных дилеров?

Подъехал человек в костюме велогонщика: шлем, оранжевые очки, одежда ярких цветов с вентиляцией. Под об-

легающими шортами вздуваются мускулы, велосипед на вид дорогой. Поэтому он и взял его с собой, когда вместе со стаей проследовал за арсенальцем за угол, к другой стороне здания. Вокруг все было новым. И ничего не изменилось. Но их ведь стало меньше, или нет?

Путаны на углу улицы Шиппергата заговорили с ним на ломаном английском: «хей, бейби», «вейт а минит, хэндсом», но он в ответ лишь покачал головой. Казалось, слава о его целомудренности, а может, и о безденежье распространялась быстрее, чем он шел, потому что девочки, стоявшие в другом конце улицы, не проявили к нему никакого интереса. В его время проститутки в Осло одевались практично — в джинсы и ветровки. Их было мало, и на их рынке главным был продавец. Теперь конкуренция возросла, и появились короткие юбки, высокие каблуки и ажурные колготки. Похоже, африканские красотки уже мерзнут. «Подождите, то ли будет в декабре», — подумал мужчина.

Он углублялся в район Квадратура, где когда-то располагался первый центр города Осло, а теперь была лишь асфальтовая пустыня, окруженная административными зданиями и офисами, где работало двадцать пять тысяч рабочих муравьев, устремлявшихся домой в четыре или пять часов вечера, оставляя эту часть города ночным грызунам. В те времена, когда король Кристиан IV заложил район с квадратными кварталами, возведенными в соответствии с идеями возрождения о геометрическом порядке, количество населения города регулировалось пожарами. По слухам, каждую ночь високосного года здесь можно было увидеть призраки бегущих между домами людей, объятых пламенем, услышать их крики, проследить, как они сгорают дотла и испаряются, оставляя после себя лишь небольшие кучки пепла на асфальте, и если успеть подобрать этот пепел до того, как его унесет ветер, и съесть, то дом, в котором ты сам живешь, никогда не сгорит. Из-за опасности возникновения пожаров Кристиан IV заложил широкие

по меркам бедного Осло улицы. Здания он выстроил из традиционного норвежского материала — камня. Мужчина шел вдоль одной из каменных стен и увидел вход в бар. Из него на стоящих на улице курильщиков лилась новая версия песни группы «Guns N' Roses» «Welcome To The Jungle»¹. Песню просто изнасиловали, превратив в танцевальное регги, плюнув в лицо Марли и Роузу, Слэшу и Стрэдлину. Мужчина остановился перед вытянутой рукой.

— Огоньку не найдется?

Пышная грудастая дамочка далеко за тридцать смотрела на него снизу вверх, призывно сжимая сигарету накрашенными красными губами.

Он приподнял бровь и посмотрел на хохочущую подружку дамочки, стоявшую позади нее с дымящейся сигаретой. Грудастая тоже заметила подружку и рассмеялась, покачнувшись.

— Да не будь ты таким тугодумом, — сказала она на том же южном диалекте, на каком говорит кронпринцесса.

Мужчина слышал, что одна проститутка на внутреннем рынке сколотила себе целое состояние, одеваясь как кронпринцесса, разговаривая как она и стараясь во всем быть похожей на нее. И что в пять тысяч за час входил пластмассовый скипетр, которым клиент мог распоряжаться по своему усмотрению.

Заметив, что он собирается идти дальше, шлюха положила руку ему на плечо и наклонилась, дохнув ему в лицо красным вином.

— Ты на вид приличный парень. Не хочешь дать мне... огоньку?

Он повернулся к ней другой стороной лица. Плохой стороной. Стороной не слишком-то приличного парня. Почувствовал, как она вздрогнула и отпустила его, увидев след от конголезского гвоздя, похожий на запорошенную тропинку, тянущуюся ото рта до уха.

¹ «Добро пожаловать в джунгли» (англ.).

Он зашагал дальше и услышал, что заиграла музыка «Nirvana». «Come As You Are»¹. Оригинальная версия.

— Хэш не нужен?

Голос доносился из подворотни, но мужчина не остановился и не оглянулся.

— Спид?

Он был чистым уже три года и не собирался снова подсаживаться.

— «Скрипка»?

Только не сейчас.

Впереди на тротуаре возле двух дилеров, пристававших к нему, остановился молодой парень, которому те что-то показали. При приближении мужчины парень поднял серые глаза и уставился на него внимательным взглядом. Взгляд полицейского, подумал мужчина, опустил голову и перешел на другую сторону улицы. Возможно, у него паранойя, ведь маловероятно, чтобы такой молодой полицейский узнал его.

Вот и гостиница. Прибежище. «Леон».

В этой части улицы было практически безлюдно. Он увидел, как на противоположной стороне улицы, под фонарем, покупатель наркотиков слезает с велосипеда вместе с другим велосипедистом, также облаченным в спортивную форму. Один помог другому всадить шприц в шею.

Мужчина в льняном костюме покачал головой и посмотрел на фасад здания, возвышавшегося перед ним.

Под окнами последнего, четвертого этажа висел все тот же серый от грязи баннер «Четыреста крон в сутки!». Вокруг все было новым. И ничего не изменилось.

В гостинице «Леон» был новый портье. Молодой парень, встретивший мужчину в льняном костюме преувеличенно вежливой улыбкой и, что было необычным для

¹ «Приходи таким, какой ты есть» (англ.).

«Леона», без тени недоверия. Он произнес «добро пожаловать» без всякой иронии в голосе и попросил предъявить паспорт. Мужчина подумал, что из-за загара и льняного костюма его приняли за иностранца, и протянул портье свой красный норвежский паспорт, потрепанный и усеянный печатями. Слишком много печатей, чтобы жизнь его обладателя можно было назвать счастливой.

— А, вот как, — сказал портье, возвращая ему паспорт. Затем он положил на стойку бланк анкеты и ручку. — Достаточно заполнить графы, отмеченные крестиком.

Мужчина удивился: анкета для заселения в «Леон»? Видимо, кое-что все-таки изменилось. Он взял ручку и заметил, как портье уставился на его руку, на средний палец. На то, что когда-то было средним пальцем, пока его не отрезали в одном из домов в районе Хольменколлосен. Теперь на месте первой фаланги красовался серо-синий матовый титановый протез. От него было не слишком много пользы, но он помогал удерживать баланс между указательным и безымянным пальцами при хватательных движениях и не мешал в остальных случаях, поскольку был коротким. Единственным недостатком протеза была необходимость постоянно отвечать на вопросы во время прохождения досмотра в аэропортах.

Мужчина заполнил графы «Имя» и «Фамилия».
«Дата рождения».

Он вписал дату, отдавая себе отчет в том, что выглядит мужчиной лет сорока с небольшим, а не той старой развалиной, какой уехал отсюда три года назад. Он подчинил свою жизнь строгому режиму: тренировки, здоровое питание, сон и — естественно — стопроцентное воздержание от наркотиков. Он соблюдал свой режим не для того, чтобы выглядеть моложе, а для того, чтобы не сдохнуть. К тому же ему это нравилось. На самом деле он всегда любил четкое расписание, дисциплину, порядок. Так почему же жизнь его превратилась в хаос, деструкцию, самоуничтожение и разрыв отношений и проживалась отрезками меж-

ду черными периодами наркотического опьянения? Незаполненные графы вопросительно взирали на него. Но они были слишком узки для его ответов.

«Адрес постоянного местожительства».

Хорошо. Квартира на Софиес-гате была продана сразу после его отъезда три года назад, как и родительский дом в районе Упсал. При его нынешней профессии наличие постоянного официального адреса было фактором риска. Поэтому он написал то, что обычно писал при заселении в другие гостиницы: Чанг-Кинг-мэншн, Гонконг. Что было так же далеко от истины, как и любой другой адрес.

«Профессия».

Убийство. Этого он не написал. Графа не была отмечена крестиком.

«Номер телефона».

Он записал фиктивный номер. Мобильный телефон можно отследить — и разговоры, и твое местоположение.

«Номер телефона ближайших родственников».

Ближайших родственников? Какой муж добровольно впишет в эту графу номер своей жены при заселении в «Леон»? Это местечко вполне можно было назвать почти официальным борделем в Осло.

Портье прочитал его мысли:

— Только на тот случай, если вам станет плохо и нам надо будет кого-то вызвать.

Харри кивнул. В случае остановки сердца во время акта.

— Можете не оставлять телефон, если у вас нет...

— Нет, — сказал мужчина, продолжая стоять и смотреть на анкету.

Ближайшие родственники. У него была Сес. Сестра с «легким намеком на синдром Дауна», как она сама это называла. Однако она всегда справлялась с жизненными обстоятельствами намного лучше своего старшего брата. Кроме Сес, никого. Действительно никого. Во всяком случае, никаких ближайших родственников.

Он поставил крестик в графе «Наличные», отвечая на вопрос о способе оплаты, подписал и протянул анкету портюе. Тот быстро пробежал ее глазами. И тогда Харри наконец-то заметил его. Недоверие.

— Вы... Вы — Харри Холе?

Харри Холе кивнул:

— Это что, проблема?

Парень покачал головой. Сглотнул.

— Прекрасно, — сказал Харри Холе. — Может, тогда дадите мне ключ?

— О, простите! Вот. Триста первый.

Харри взял ключ и отметил, что зрочки у парня расширились, а тон стал более серьезным.

— Это... это был мой дядя, — сказал парнишка. — Это его гостиница, он раньше сидел за стойкой. Он рассказывал о вас.

— Надеюсь, только хорошее, — сказал Харри, улыбнулся, поднял маленький кожаный чемодан и пошел вверх по лестнице.

— Лифт...

— Не люблю лифты, — ответил Харри, не оборачиваясь.

Комната была такой же, как прежде. Ободранная, маленькая, местами чистая. Нет, появились новые шторы. Зеленые, плотные. Наверняка такие, что не надо гладить. Кстати... Харри повесил костюм в ванной и включил душ, чтобы пар расправил складки на материале. Костюм из «Панджаб-хаус» на улице Натан-роуд стоил ему восемьсот гонконгских долларов, но при его работе это была необходимая инвестиция: никто не будет уважительно относиться к человеку в лохмотьях. Он встал под душ. От горячей воды покалывало кожу. После душа он нагишом прошел через комнату к окну и открыл его. Третий этаж. Задний двор. Из другого открытого окна раздавались ненатуральные громкие стоны. Харри ухватился руками за карниз для штор и высунулся наружу. Взгляд его сразу упал на откры-

тый мусорный бак, и он учуял поднимающийся оттуда сладкий запах мусора. Он плюнул и по звуку понял, что попал на что-то бумажное. Раздавшийся после этого звук издала явно не бумага. Что-то щелкнуло, и зеленые плотные шторы рухнули на пол по обе стороны от Харри. Черт! Он вытянул тонкий карниз из петель шторы. Карниз был старого типа и представлял собой деревянную палку, увенчанную с обоих концов луковицами. Его уже ломали раньше и пытались склеить скотчем.

Харри сел на кровать и открыл ящик тумбочки. Там лежали Библия в обложке из голубой искусственной кожи и швейный набор, состоящий из черной нитки, намотанной на белую бумажку, в которую воткнута иголка. Поразмыслив немного, Харри пришел к выводу, что эти вещи здесь вполне к месту. Гости могли пришить оторванную от штанов пуговицу и прочитать об отпущении грехов. Он лег и устался в потолок. Вокруг все было новым, и ничего не... Харри закрыл глаза. Он не спал во время полета и теперь, несмотря на смену часовых поясов и на отсутствие штор, заснул. И увидел тот же сон, который видел каждую ночь на протяжении последних трех лет: он бежит по коридору от грохочущей снежной лавины, поглощающей весь кислород, так что ему становится нечем дышать.

Надо просто немного подождать и не открывать глаза.

Он не мог удержать ускользающие мысли.

Ближайшие родственники.

Род. Родные.

Родственник.

Именно родственником он и был. Поэтому он вернулся.

Сергей ехал по шоссе Е6 в Осло, мечтая о том, как уляжется в кровать в квартире в районе Фьюрюсет. Он ехал со скоростью не более ста двадцати, хотя поздней ночью движения на шоссе почти не было. Зазвонил мобильный. Тот самый мобильный. Разговор с Андреем был коротким. Он поговорил с дядей, или, как Андрей его называл, атаманом.